

В апреле 2019 года на 83 году ушел из жизни известный сибирский поэт, член Союза писателей России ТРОФИМОВ Михаил Ефимович. Поэт родился в 1936 году в деревне Снегирёвка Красноярского края. После окончания средней школы переехал в Иркутск. Работал на стройке, в леспромхозе, ходил проводником по тайге, был охотником-промысловиком. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Первая книга Трофимова вышла в Иркутске в 1964 году в сборнике «Бригада». Затем появились сборники стихов «Иван-чай» (1972),

«Белый соболь» (1976), «Звонышко. Стихи для дошкольного возраста» (1978), «Изморозь» (1980), «Парасковья» (1986), «Есть край...» (1989), «Лесная азбука». Стихи для малышей» (1994) и другие. В творчестве поэта тайга и её обитатели занимают особое место. «Лесная азбука» – это словарь для детей на таёжную тему.

Михаил Трофимов дважды становился лауреатом премии Губернатора Иркутской области творческим работникам за достижения в области культуры и искусства. В 2007 году он получил ее за создание книги «Свиристели», а в 2010 году – книги «Снегиревка». Также был обладателем звания лауреата областной литературной премии 1994 года за книгу «Лесная азбука». В творчестве поэта особое место занимала любовь к своей Родине, своей деревне, тайге и её обитателям. В стихах Трофимова воспроизводится не только сибирская природа, но и деревенский быт. Михаил Ефимович увлекался лепкой глиняных игрушек и свистулек. Ему был дан талант редкого поэтического качества – пристрастие к стихии народного поэтического мира и умение организовать эту стихию в больших поэтических формах.

ПОСРЕДИ РОССИИ ВСТАНУ

ИВАН-ЧАЙ

Становлюсь я, не чаявши,
И сильней, и добрей...
Иван-чай, иван-чаюшка,
Разлиловый кипрей.
Ты входил в меня силою
Заварною из кружки,
Где зимой вьюга сивая
Меж зимовьями кружит.
Кедры ветками машутся,
Ели в колких крестах.
Меня Мишею матушка
Нарекла неспроста...
Был Михайлушка зелен,
Свет Ефимович мал,
Пил таёжное зелье,
Стал сильней – оклемал.
И за плугом я следовал –
Резал землю тугую,
По собольему следу
Шёл с берданкой в тайгу я.
Может, горе и видывал,
Да окрепнуть сумел...
Только птицам завидовал,
Только зверя жалел.

* * *

Холодно, и слякотно, и глухо.
В камышовом шалаше ночую.
Завернусь в тулуп и буду слушать:
Птицы к югу поздние кочуют.

Скоро птице, зверю будет лихо,
Летнее тепло земля теряет.
Снег летит торжественно и тихо –
Поле не покроет, сам растает.

А вода шумит на той плотине,
И ни до чего мне нету дела:
Вот снежинка бьётся в паутине –
До земли она не долетела.

В реку упадут рассвета капли...
Сонный поползу из шалаша.
Встану я печальней серой цапли
В стылых и продутых камышах.

ГДЕ ЗЕЛЁНАЯ ДЕРЕВНЯ

Там, где радуга над полем,
Где зелёная деревня,
Где гуляют грозы в ливнях
По берёзовым лесам,

Жил мальчишка синеглазый,
Белобрысый и вихрастый,
Никого он не боялся,
Птичьи гнезда разорял.

На руках от грязи цыпки,
Брюхо щавелем набито.
Без седла и без уздечки
Он на лошади верхом.

Хлюпает босой ногою,
Крепко держится за гриву –
Через речку скачет бродом
Во зелёные луга.

В заливных лугах пасутся
Нестреноженные кони,
Морды в росах, гривы смолью –
Золотые табуны.

Он идёт по мокрым травам,
В волосах его репейник,
А за пазухой зайчонок,
Тоже мокрый от дождя...

За крестьянскую работой
Он подсолнухом тянулся,
И девчонка подарила
Первый робкий поцелуй.

Но, гонимые войною,
К нам в Сибирь грачи летели,
И притихшие глядели
На чужой суровый край.

Мать колосья собирала –
По полям пустым ходила,
Пироги с калиной горькой
На дороженьку пекла.

На войну ушёл парнишка,
Никогда он не вернётся
В ту забытую деревню
Над уснувшей водой.

У плетня растёт крапива,
Зеленеют крыши мохом,
Так же, кланяясь колодцу,
Воду достаёт журавль.

Дремлет старая дорога,
И слепой под солнцем дождик...
Да кукушка на раките
Не устанет куковать.

ГРАЧИ

Сестре Марии

Помнишь ли, Маруся,
К нам грачи прилетали,
На ободранных берёзах отдыхали,
Из калюжин снеговую воду пили,
И за плугом бороздой ходили.

На коровах бабы зябь пахали,
Тонкой хворостинкой погоняли,
Плакали, бурёнок обнимали –
Плуг тянуть тяжёлый пособляли.

Потерпи, кормилица, немного –
Бьют фашиста да в его берлоге.
Мужики ушли как на медведя –
В орденах охотнички приедут.

Станут соболя стрелять да белку,
Нас ласкать, да и пахать не мелко –
А грачи летали и кричали,
Возвращенья всем не обещали.

Мы с тобою, дошколята-крохи,
Собирали прошлогодние картохи
В зябкие холщовые торбинки,
Пили под кустом из рыжей крынки.

Бывает, и теперь ночами снится –
Летят на север траурные птицы,
Усталые, кричат над полем нашим,
А мама на Бурёнке землю пашет.

* * *

Нет, не вышел я к реке:
Вместе со снежочком
Понатаю в котелке
Беличьих следочков.

Чай горячий – хорошо,
Нет счастливой доли:
На снегу костёр большой
Будет греть до боли...

Росомаха – зверь ночной –
След мой станет нюхать...
Сон опустится такой,
Что нежнее пуха.

Кедры встанут вокруг огня,
Будет грусть уменьшена...
Но приснилось – у меня
В доме плачет женщина.

Может, и была беда,
Вспоминать-то поздно...
Это плакала вода –
Да в ночи замёрзла.

* * *

Я давно с деревнею расстался
На брусничной зорьке ясна дня.
По родной округе стосковался,
Сердце испалилось у меня.

Городскую прокляну удачу,
На родном крыльце картуз сниму,
А увижу маму – и заплачу,
Старую, седую обниму.

Только, мама, не умри от счастья...
Стыдно мне, я землю не пашу.
И бываю у тебя нечасто –
Горечью асфальтовой дышу.

Я вернусь, притихший и влюблённый:
Жаль дождя, что мочит лопухи,
Жаль щенят слепых и несмышлёных, –
Оттого в слезах мои стихи.

Журавлёнком сердце встрепенётся,
Так берёзы светятся вдали...
Детство, мое детство не вернётся, –
Мама, не вернётся журавли!..

* * *

На палке верхом парнишка-крикун –
Моё повторяет детство,
Здесь Баба Яга потеряла клюку,
И не на что ей опереться.

В кочкарнике топком увязла она,
Ночами кричит совою,
И сено, в арбе увязанное,
Везёт кобылёнка соловая.

А с воза увидишь: с дождливых полей
Раздельно хлеба пожинают,
И, снега белее, семья лебедей
В прибрежный камыш заплывает.

И перепёлки всю ночь до утра
Скликают детей в тревоге,
Усталое слышится: «Спать пора» –
Ведь завтра с утра в дорогу.

Ведь завтра совсем опустеют поля,
Да иней на травы ляжет.
Холодной и белой станет земля:
Стога и печальная пажить.

* * *

Я напьюсь берёзового соку
Да услышу пеньё соловья –
Вдруг увижу: небо так высоко
Улетает в дальние края.

Да глаза светло засиневают,
Как в разливе талая вода,
У девчонки, что любить умеет,
С именем татарским Загида.

В небо глянет гордая, как птица,
Запоёт под русскую гармонь –
Вся она от радости лучится,
Прячет в сердце бурю и огонь.

Вместе с соловьями затоскую...
Как же о любви ей расскажу?
На руки возьму и зацелую –
В яблонях цветущих закружу.

ВОЖАК

Ждал человек с карабином в руках.
Под выстрелы вышла стая –
Волчьей кровью пролился закат,
Тощих зверей спасая...

Но слышен кедровки громкий плач.
Вожак брёл шагом неверным
И рану лизал, свернувшись в калач,
Языком шершавым и нервным.

Случайно, против обычаев всех,
За стайей своей он вышел:
Под лапами стал скрипучим снег,
Луна покатила выше.

А он с дороги зло свернул,
Верный законам волчьим,
И долго стоял и выл на луну
Седой вожак-одиночка.

* * *

Я из лесу на салазках
Сучьев палых притащу,
Сочиню детишкам сказку
И синичкам посвящу.

Мне синичек бедных жалко:
На морозе все живут.
Натоплю я печку жарко,
Будет в домике уют.

Сочиню я сказку к сроку
И порадую детей.
Дам я косточку сороке –
От неё я жду вестей.

Накормлю собак и кошек,
Белке сладкий пряник дам,
Воробьям дам хлебных крошек,
Проса красным снегирам.

Белке – пряник, сойке – сало,
Всех друзей я накормлю.
Хоть себе оставлю мало,
Никого не обделю.

И ко мне слетятся птицы,
Белки с лесу прибегут.
Только волки и лисицы
За кустами подождут.

Волк мне руку не откусит,
Буду жизнью дорожить –
Сколько лет Господь отпустит,
Столько буду в радость жить.

РУСАЛКА

Белый выгоревший песок,
Бесконечный пустынный берег,
Только молятся камни безмолвно,
Только в ярости бьются волны.

Я один пред огромным морем,
Безуютный, сижу на камне, –
Словно море, тревога бьётся,
Тени туч по лицу бегут.

Сам себя по имени кличу,
И чужим мне кажется имя,
Только плачет осенний ветер –
Я уже сам себя позабыл.

Был такой же рассвет солёный,
Штормовое ревело море.
Море с небом слилось воедино,
Я на этом же камне сидел.

Вдруг крутая волна набежала –
Море выкинуло на берег
Удивительное созданье,
И я понял, что это она;

Руки были нежны для ласки,
Были страстными алые губы,
Волос нежный, зелёный, длинный
И чешуйчатый рыбий хвост.

По любви истомились груди,
Ритм единый у сердца и моря,
Было горьким юное тело –
Косу плёл я и грудь целовал.

Но она, дитя неземное,
Умирала, в тоске глядела –
Породила её стихия
Для течений морских и глубин.

Холодели глаза голубые,
Ртом красивым хватала воздух,
Взяв её, чтоб нести в избушку,
Я не думал, что загублю.

И над нею сжалилось море –
Нас огромной волной накрыло,
Нас от берега уносило,
И она ускользнула из рук.

Я искать уже не пытался,
Плыл на берег – за жизнь боролся.
Полз от моря – волна смывала.
Снова плыл я и снова полз.

Вот опять я один пред морем:
Каждый день я на дно ныряю,
В царство синее осьминогов,
Страшных скатов, морских чертей.

Каждый день я ныряю в море
С той надеждой – её увидеть,
Ухожу я в чужую стихию
С безопасной и твёрдой земли.

А она во сне меня манит...
Тишина не приходит в сердце...
Я живу так многие годы.
Одиночество злое всегда.

Лебедой зарастает избушка...
Чем я жив и на что надеюсь?
Только небо, песок да море...
Да печали жемчужина в нём.

